

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

В.А. ГУТОРОВ*

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
НА ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ И ДИЛЕММЫ**

Рецензия на книгу: Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: Институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 288 с.

В современном гуманитарном знании тема «язык и политика» стремительно выдвигается на передний план, привлекая к себе внимание представителей самых различных научных направлений. Решительный поворот наметился и в области лингвистики. «За последние два десятилетия, – отмечает британский ученый Джон Э. Джозеф в опубликованной более десяти лет назад работе “Язык и политика”, – прикладная лингвистика отказалась от структуралистского взгляда на язык как самодостаточную, нейтральную систему в пользу концепции языка как политического с ног до головы в структурном плане, равно как и в плане его использования... Некоторые высокоуважаемые и влиятельные спе-

---

* **Гуторов Владимир Александрович**, доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: gut-50@mail.ru.

Gutorov Vladimir, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: gut-50@mail.ru.

циалисты в области происхождения языка выдвинули идею, согласно которой он возник по политическим причинам, имеющим фундаментальный характер» [Joseph, 2006; Joseph, 2004].

На фоне таких тенденций книга М.А. Марусенко является довольно знаменательным событием. По разнообразию представленного в ней материала, обстоятельства его интерпретации и уровню анализа она практически не имеет аналогов в современной российской литературе, посвященной проблемам языковой политики в Западной Европе. Множество затронутых автором проблем живо перекликаются с идеями, развиваемыми в работах, появившихся уже после публикации рецензируемой книги [см., например: Thompson, 2016; Chan, 2016; Morris, 2016; Indigenous language media... 2016].

Основная концепция автора вполне рельефно выражена в первом же параграфе книги: «Стремительные изменения, потрясающие мировую систему языков, затрагивают все страны, независимо от их географического расположения, политического устройства, этнического состава населения, культурных традиций, принадлежности к тем или иным наднациональным объединениям. Однако реакции правительств разных стран на эти вызовы располагаются в очень широком диапазоне: от полной пассивности и молчаливого соучастия в гибели своих национальных языков, которую демонстрируют официальные инстанции большинства стран мира, до попытки организованного сопротивления процессу сокращения языкового разнообразия и создания новой многоязычной европейской идентичности, которые последние 15–20 лет декларирует Европейский союз» [Марусенко, 2014, с. 3].

Судя по обозначенной в предисловии дихотомии, автор, по-видимому, разделяет многие постулаты, широко распространенные в западной историографии ЕС, представляющей «европейскую историю в прогрессивном линейном стиле, в структуре которого рисуется портрет современной европейской идентичности как разновидности истории морального успеха – конечного продукта прогрессивного восхождения сквозь историю» [Craith, 2006, p. 3]. Возможно, события, последовавшие уже после того, как книга была сдана в печать, например разброд в Евросоюзе в связи с Brexit'ом, до основания потрясшим всю его структуру, а также разногласия внутри ЕС в плане неоднородной реакции его членов на политический кризис и гражданскую войну в Украине и др.

могли бы внести поправки в авторские суждения. Но, с нашей точки зрения, они вряд ли оказали бы существенное влияние на структуру работы и основные линии ее аргументации.

Еще совсем недавно тональность аналитических работ, посвященных различным аспектам лингвистической политики в странах Евросоюза, была более или менее оптимистической. «Один из наиболее актуальных вопросов в современных европейских обществах, – отмечали в 2009 г. редакторы содержательного сборника статей “Дискурсы языка и интеграции. Критические перспективы языковых режимов тестирования в Европе”, – определяется потребностью развития интеграции и социальной инклюзии в контексте стремительно увеличивающейся миграции. Специфический вызов, с которым сталкиваются национальные правительства, заключается в том, каким образом предоставить людям, говорящим на постоянно увеличивающемся количестве языков, комфортные условия в рамках того, что во многих случаях все еще воспринимается как местное население, говорящее на одном языке. Во многих странах такая ситуация придает импульс публичным дебатам относительно предложений ввести в принудительном порядке требование знания “национального” языка и культуры в качестве условия получения гражданства. В свою очередь, эти дебаты выявили настоятельную потребность формировать концептуальную и теоретическую основу в гораздо большей степени по сравнению с той, которая имеется в настоящее время, для развития широкомасштабной публичной дискуссии о лингвистических и культурных требованиях, предлагаемых в качестве элементов процесса курирования (gate-keeping process), ведущего к приобретению гражданства во многих странах – членах Евросоюза» [Discourses... 2009, p. 1]. Однако события в Западной Европе стремительно опережают даже самые смелые прогнозы и гипотезы ученых. Например, Brexit грозит разрушить сформировавшиеся в на рубеже XX–XXI вв. лингвополитические стереотипы. Если в конце XX в. общепринятым считался сам факт, что «английский может стать основным рабочим языком стран Евросоюза (ЕС) в связи с отсутствием сколько-нибудь ясно сформулированной европейской лингвистической политики» [Judt, Lacorne, 2004, p. 3; The politics of English... 2003], в настоящее время актуальность обсуждения данного вопроса несколько тускнеет, уступая место другим вызовам и дилеммам, среди которых тема национализма

вновь вступает в свои права. Стремление европейцев сохранить национальную идентичность проявляется в самых различных формах вплоть до поддержки националистических праворадикальных партий. «Национализм... – отмечал У. Пфафф, комментируя итоги отрицательного голосования французов и голландцев против проекта конституции ЕС в мае 2005 г., – является той силой, которая опрокинула Европейский проект и которая противостоит дальнейшей экспансии ЕС, равно как и дальнейшей концентрации исполнительной власти. Конституция требует от национального суверенитета большей жертвы, чем французы, голландцы и др. готовы допустить» [цит. по: Muhill, 2006, p. 1]. Более того, новый политический феномен – шотландский «интернационалистский национализм» (политика сохранения членства в ЕС как фактор сепаратизма), в ходе британского референдума громко заявивший о себе в лице своих многочисленных адептов, – является свидетельством того, что идеологию национализма еще рано сдавать в исторический архив.

«Ученые, изучающие национализм – будь то историки, социологи или политологи, – отмечает кембриджский профессор Питер Берк в предисловии к фундаментальному труду Томаша Камуселлы “Языковая политика и национализм в современной Центральной Европе”, – уже давно осознали важность языковой политики (свидетельством являются классические труды Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона и Эрика Хобсбаума). Со своей стороны, лингвисты уже давно осознали важность языка для роста национализма. Но все равно, несмотря на свою научную значимость для обеих областей [гуманитарного знания], появилось относительно немного глубоких научных исследований, посвященных политике отдельных языков в отдельные периоды. Проблема заключается в том, что, говоря в общем, лингвисты не знают на достаточном уровне политическую историю, чтобы взять на себя такую задачу, в то время как специалисты по политической истории чувствуют себя неуютно в области лингвистики» [Kamusella, 2009, p. 11]. Считая книгу Т. Камуселлы редким исключением, П. Берк настаивает (на наш взгляд, абсолютно справедливо!) на том, что только на основе синтеза лингвистики, истории (политической и культурной) и политической науки изучение языковой политики сможет обрести новые горизонты.

Если судить в соответствии с критериями П. Берка, рецензируемая книга по своим исходным интенциям, конечно, выполнена преимущественно в весьма сдержанном, академическом филологическом стиле. В ней не упоминаются идеи и работы Геллнера, Андерсона или Хобсбаума [Gellner, 1983; Anderson, 2006; Hobsbawm, 1990] и даже отсутствуют специальные разделы, главы или параграфы, посвященные проблеме этничности, национализма, иммиграции и их влияния на языковую политику. В монографии М.А. Марусенко представлена иная шкала: приоритетным является изучение языковой политики, скорее, в системном и институциональном плане. Автора интересуют в основном структурные аспекты – этнолингвистические, политические, экономические, образовательные и др., – стратегического планирования лингвополитических процессов на макроуровне (поэтому большое внимание уделяется анализу законодательных актов, хартий и конвенций и др. документов) и его воздействия на различные направления национальной политики стран – членов ЕС с непременным учетом тех модификаций, которые вносят глобализационные процессы в их реализацию.

Конечно, авторскую позицию можно по-своему понять. «В целом, – отмечал еще в конце 1990-х годов Ули Виндиш, профессор социологии Женевского университета, – существует современная тенденция подхода к изучению таких предметов как культурное многообразие и иммиграция с чисто теоретической, абстрактной и универсальной точки зрения. Каждый исследователь имеет свою теорию и желает навязать свою истину, нередко с помощью определенной разновидности теоретического государственного переворота. В сущности, [самому] исследованию и эмпирическим данным придается второстепенное значение. Тем самым демонстрируется, до какой степени культурное многообразие, являющееся следствием массовой иммиграции и сдвигов в структуре населения, представляет собой в политическом плане далеко не нейтральный предмет. Любому замечанию, независимо от того как оно квалифицируется – в плане эмпирического обоснования или объективно – почти всегда автоматически сопутствуют дополнительные значения и идеологические реинтерпретации на основе узкопартийных или идеологических предубеждений. Полемические дебаты, наперед обеспеченные и взаимными обвинениями, и другими дезориентирующими видами критики, подпитывают ди-

намику дискуссии. Короче, это заминированная территория» [Windisch, 2004, p. 161].

Вероятно, осознавая данное обстоятельство, автор рецензируемой работы твердо решил избегать как охарактеризованных выше «минных полей», так и излишней, с его точки зрения, полемики со своими зарубежными коллегами. Отсутствие в монографии критического библиографического раздела и соответствующего анализа эволюции теоретических подходов к языковой политике в ЕС и входящих в него стран в отечественной и зарубежной научной литературе, на наш взгляд, является одним из наиболее существенных недостатков работы. Конечно, каждый ученый сам вправе определять формат исследования и способ интерпретации имеющегося в его распоряжении материала. Изложение собственной точки зрения без какой-либо видимой оглядки на своих предшественников и оппонентов – вполне распространенный монографический прием. Однако, учитывая, с одной стороны, сравнительно небольшое количество добротных отечественных работ, посвященных проблемам политической лингвистики и языковой политики, и изобилие книг, опубликованных за рубежом, – с другой (об этом наглядно свидетельствует процесс сегментации и континуум выстраивающихся в монографиях и сборниках трактовок языковой политики – от сугубо теоретических и исторических до чисто аналитических и прагматических [см., например: Schmidt, 2000; Muntigl, 2004; Language, Culture and Society... 2006; Disinventing... 2006; Discursive constructions... 2007 и др.]), наличие разделов, посвященных критическому обзору научной литературы, является надежной гарантией против опасности повторного воспроизведения многократно установленных ранее истин. Разумеется, если автор изначально не ставил перед собой цель максимального приближения своего труда к формату учебника. В противном случае, представляется трудно объяснимым, например, игнорирование в его монографии пионерских работ Т. Кроули [Crowley, 1989; 1996; 2003; 2005] и многих других исследователей, внесших весомый вклад в политическую лингвистику.

В первой главе, посвященной методологическим аспектам анализа языковой политики, автор специально отмечает: «В англоязычной литературе употребляются термины *languagepolicy* и *languageplanning*, которые однозначно не различаются; французская социолингвистика оперирует терминами *politique linguistique*

и *aménagement linguistique*, которые на практике употребляются как взаимозаменяемые... В последнее время термины *policy* и *politique* чаще употребляются при рассмотрении проблем выбора основных направлений государственной политики в области языков и тесно связаны с необходимостью оценки альтернативных вариантов, в то время как *planning* и *aménagement* закреплены за более техническими вопросами, относящимися к реализации общих решений, которые касаются уже языковой политики, хотя эти различия не всегда соблюдаются» (с. 5). Даже беглый взгляд на содержание монографии (главы 4 и 5 и др.) отчетливо показывает, что ее автор постоянно анализирует многочисленные сюжеты, относящиеся не только к проблемам *policy* и *politique*, но и к вопросам *planning* и *aménagement*. Но в таком случае не совсем понятным является явное игнорирование первоклассных зарубежных работ, посвященных именно проблемам лингвистического планирования [см.: Kaplan, Baldauf, 1997; Language, nation... 2004; Language planning and policy... 2005; Language planning... 2006; Language planning... 2008; Language planning and policy in Europe... 2008]. Или же отсутствие во второй главе «Языковой режим Европейского союза» [Марусенко, 2014, с. 32–71] важных работ по методологическим проблемам анализа языкового режима как социально-политического феномена [см., например: Language regimes... 2007].

Один из спорных моментов концепции, лежащей в основе рецензируемой работы, – явное нежелание автора обозначить четкую концептуальную взаимосвязь между историческим и современным образом Европы и той ролью, которую в наши дни выполняет языковая политика ЕС в формировании политической концепции объединенной Европы. На наш взгляд, это связано с тем, что автор уделяет минимум внимания проблеме динамики языка, той роли, которую в современном обществе играет язык в формировании культурного и политического пространства. «Было всегда трудно, – отмечает М.Н. Крейт, – в точности определить, где находится Европа. Возможно, это происходит потому, что Европа в большей мере является концептуальной, чем пространственной целостностью. Задолго до появления понятия “воображаемое сообщество”, введенного в оборот Бенедиктом Андерсоном, было модным воспринимать Европу как “воображаемое пространство”» [Craith, 2006, p. 2].

Одним из следствий такого подхода является полное безразличие автора к проблемам классификации и типологизации, в частности, – к сравнительному анализу европейской языковой политики с аналогичными типами политики в других регионах мира, включая Советский Союз и посткоммунистическую Россию. В частности, уже в работе Гарольда Шифмана «Языковая культура и языковая политика» (1996) были представлены и подвергнуты тщательному анализу различные модели language policy, в том числе и те, в которых учитывался опыт СССР и попытки привить в Индии советскую мультилингвистическую модель [Schifman, 1996, p. 1]. Важное научное значение имела также попытка Г. Шифмана представить классификацию моделей языковой политики в виде континуума – «от автократической центристской политики Франции до многоязычной приспособленческой (multilingual accomodationist) (и все же ограниченной) политики в Индии, с США, находящимися где-то посередине. Они также представляют три вида исторического развития – автократический, монархический европейский центристский тип, уходящий корнями в период формирования нации во Франции XVI века, который Французская революция просто довела до его логической крайности; тип развития “демократического” разделения властей, появившийся в США два века назад, и постмодернистский, постколониальный тип, векторно связанный с недавно возникшими нациями (Индия)» [Ibid.; Towards global multilingualism... 1994].

Автор признает значение социальных наук и формирующихся на их основе влиятельных междисциплинарных теорий и направлений, например, мир-системного анализа И. Валлерстайна. В частности, именно применение методологии Валлерстайна в политической лингвистике (разделение языков на периферийные, центральные или планетарные языки, «суперцентральные языки и категорию, в которую входит единственный язык – английский – гиперцентральный язык» [Марусенко, 2014, с. 104], помогает автору сделать вывод об отсутствии «европейской внятной политики», по крайней мере, с точки зрения представителей тех стран, «чьи национальные языки относятся к периферийным... Так, страны Вышеградской группы (Чехия, Венгрия, Польша и Словакия) и страны Балтии считают, что привилегированное положение английского и французского языков оказывает отрицательное влия-

ние на демократию и эффективность, нарушая принцип равенства языков» [Марусенко, 2014, с. 105–106].

Вместе с тем в монографии, на наш взгляд, далеко не всегда дается адекватная трактовка, например, следующего, весьма примечательного исторического факта: в силу ряда специфических причин исторического и чисто психологического характера, в числе периферийных языков в свое время оказался немецкий язык, т.е. язык страны, являющейся «становым хребтом» экономики Евросоюза. «Ущемленные... языки, – отмечает М.А. Марусенко, – совсем не обязательно принадлежат к официальным языкам с небольшим числом носителей или к неофициальным языкам: таким языком, подвергшимся маргинализации, стал немецкий. В 2000 г. приблизительно каждый четвертый гражданин ЕС с рождения говорил на немецком, но этот мажоритарный язык оказался вытесненным на периферию европейской системы языков. Тот факт, что демографически благополучные и богатые языковые группы вынуждены бороться за соблюдение своих языковых прав, должен служить примером для носителей малочисленных и миноритарных языков, которые также требуют проведения справедливой языковой политики» [там же, с. 31]. При этом не уточняется, как именно благополучные немцы боролись за свои поправленные лингвистические права и в чем именно их опыт должен служить примером для менее состоятельных стран. Выше на той же странице отмечается, что отсутствие в ЕС долгосрочных программ по развитию языковых режимов чревато «катастрофическими последствиями для языковых меньшинств, вплоть до лингвоцида (языкового геноцида)» [там же].

Возникает впечатление, что маргинализация немецкого языка в ЕС и угроза лингвистической катастрофы для миноритарных языков являются однопорядковыми явлениями и вызваны одними и теми же причинами. Между тем речь идет о совершенно различных явлениях. Лингвистическая иерархия в Европе постоянно изменялась с течением времени. Действительно, в 1970 г. (т.е. еще в эпоху немецкого «великого экономического чуда») 60% документов переводилось на французский и 40% – на немецкий. В дальнейшем немецкий язык постепенно стал терять свои господствующие позиции и к 1989 г. не более 9% неофициальных документов переводилось на немецкий, в то время как пропорция их переводов на английский язык возросла до 30%. Немецкое пра-

вительство временами жаловалось на недостаточное использование их языка. Например, летом 1999 г. оно бойкотировало неформальные встречи министров, когда перевод на немецкий язык оказывался недоступным. Однако в целом немцы «редко усиливали энергию подобных lamentаций, поскольку такого рода поступки могли быть восприняты как возврат к нацистской тактике» [Craith, 2006, p. 47].

Следует отметить, что автор не стремится использовать специальные современные исследования по мир-системному анализу, в которых так или иначе интерпретируются различные языковые ситуации и связанные с ними исторические парадоксы [Wallerstein, 2004]. В отдельных исследованиях, например, постоянно подчеркивается, что «мир-системный анализ может способствовать вразумительному пониманию более низкого уровня лингвистического разнообразия в государствах сердцевины (corestates) путем указания на тот факт, что процессы формирования централизованных бюрократических государственных аппаратов продвинулись там дальше...; имеется в высшей степени определенное соответствие между мощностью государства и наличием в нем лингвистического разнообразия: более сильные, богатые ресурсами государства сердцевины демонстрируют меньшее лингвистическое разнообразие, чем относительно слабые, бедные ресурсами периферийные государства» [Routledge handbook, 2012, p. 508].

Отсутствие прочной опоры на современные методы анализа проблем политической культуры, национальной идентичности, которые постоянно совершенствуются в современных общественных науках [см., например: *Global linguistic flows...* 2009], накладывает отпечаток и на авторский подход к анализу феномена «языковых идеологий». Авторская трактовка данного феномена ограничивается, как правило, уровнем «официальной идеологии», признающей «самую высокую престижность за хорошо структурированным и семантически прозрачным языковым вариантом – письменным вариантом, являющимся принадлежностью элиты и контролирующимся образованным верхним слоем среднего класса» [Марусенко, 2014, с. 21]. В монографии встречается ссылка на книгу Ричарда Баумана и Чарльза Л. Бриггса «Голоса современности. Языковые идеологии и политика неравенства» [Bauman, Briggs, 2003], но, разумеется, со времени издания этой ценной работы появилось немало заслуживающих внимания исследований, в ко-

торых представлены самые разнообразные трактовки языковых идеологий [см. например: *Language ideologies...* 2010]. К тому же и в более ранних работах предметом постоянной дискуссии уже давно стал обозначенный Томасом Рисенто следующий тезис (также оставшийся в монографии без внимания): «Различные типы языковой политики могут разделять общую идеологию, лежащую в их основе, а сходные типы языковой политики могут брать начало из соперничающих идеологических ориентаций» [*Ideologies, politics...* 2000, p. 3].

Следует отметить, что в работе М.А. Марусенко можно встретить суждения, которые не вполне противоречат тезису Рисенто и так или иначе с ним соотносятся. В главе 1, имеющей, как уже отмечалось выше, методологический характер, анализируя в теоретическом плане основные элементы языковой политики, автор, в частности, акцентирует внимание на соотношении понятий «национальная идентичность» и «языковая идеология». «Языковая политика, – отмечает он, – всегда основывается на языковой идеологии, с учетом социально приемлемых форм использования языка и “идеальной” языковой ситуации в обществе. Таким образом, моноязычная идеология может не только не признавать существования языкового разнообразия, но и поддерживать практики, которые фактически запрещают языковое разнообразие в публичном пространстве. В реальности некоторые националистически направленные языковые политики имеют целью уменьшение языкового разнообразия, даже если публично они декларируют государственное многоязычие. С этой целью государство может прибегать к регулированию идентичности. Часто оно стоит на страже моноязычной модели язык – народ – страна и предлагает, а зачастую навязывает силой своим согражданам принудительные этноязыковые идентичности» [Марусенко, 2014, с. 22–23].

Однако, насколько можно судить по контексту приведенного выше рассуждения, автор рассматривает национальное государство в качестве если не единственного, то наиболее приоритетного субъекта «языковой идеологии». Использование в монографии данного понятия во множественном числе не подразумевает существование альтернативных идеологий, во множестве представленных в европейском политическом дискурсе, но почти автоматически предполагает определенное «множество» государств, каждое из которых является «носителем» определенной разновидности

языковой идеологии. Последняя оказывается тождественной государственной официальной или элитарной идеологии, навязывающей «массам» письменный вариант языка, противопоставленный «всяким жаргонам, говорам, диалектам и т.д., т.е. всем формам устного языка» [Марусенко, с. 21].

Такой «институциональный» подход, конечно, является односторонним. Субъектами языковых идеологий являются, например, не только националистические движения, но и политические группы, партии, цели и лозунги которых могут быть направлены на усиление или радикальную корректировку языковой политики элитных групп, находящихся у власти, но могут быть и противопоставлены официальной языковой идеологии в тех случаях, когда речь идет о политических ориентациях национальных меньшинств, региональных групп и др. Как отмечает Доминик Арель, «большинство националистических движений рассматривают язык своей группы как ключевой ориентир, устанавливающий межгрупповые границы... В политике национализма язык почти всегда является яблоком раздора» [Census and identity... 2004, p. 92].

Причиной подобной авторской односторонности является, очевидно, отсутствие должного внимания к той роли, которую играет национализм в странах ЕС в формировании языковой политики входящих в нее государств. Соответственно, как уже отмечалось выше, в ней не учитываются как классические труды, так и большинство современных исследований, посвященные значению и роли национализма и его политических, религиозных и культурных аспектов в формировании национальной идентичности и языковой политики. Нет никаких сомнений в том, что теоретический анализ языковой политики всегда напрямую зависит от методологических установок исследователя, к которым нередко примешиваются определенные ценностные ориентации. Характер последних, в свою очередь, нередко определяется региональной и национальной спецификой объектов научного анализа. Например, К. Мар-Молинеро в своем исследовании «Языковая политика в испаноговорящем мире» сразу посвящает первую вводную главу теориям национализма и национальной идентичности, в дальнейшем выстраивая основную линию аргументации именно в рамках «националистической парадигмы». Отвечая на вопрос – «почему один *lingua franca* не возник как единственный нормальный способ общечеловеческой коммуникации?» – она отмечает, что «ответ

должен лежать во внутренней потребности и желании защищать различие между группами и сообществами. В этом плане язык неразрывно связан с определением этого различия» [Mag-Molino, 2000, p. 2]. Анализ рецензируемой монографии показывает, что ее автор, по-видимому, придерживается иных ценностных подходов.

Разумеется, к книге М.А. Марусенко можно предъявить еще немало «претензий», вызванных не столько ее недостатками (которые можно найти в любой обстоятельной работе), но, прежде всего, ее бесспорными достоинствами, заставляющими нередко сожалеть об отсутствии внимания автора к тем проблемам, которые могли бы органически вписаться в исследование, значительно усилив его теоретическую основу и характер аргументации. На наш взгляд, большой заслугой автора является его несомненное стремление, по возможности, учитывать достижения ряда гуманитарных наук в области изучения взаимодействия языка и политики. Именно по этой причине книга сразу после ее публикации привлекла внимание отечественных ученых, специализирующихся в области политической лингвистики [см., например: Мухарямов, 2016, с. 107]. Остается надеяться, что ее дальнейшее обсуждение привлечет внимание ученых к многообразным проблемам языковой политики, актуальность которых для современной России несомненна.

Список литературы

- Мухарямов Н.М.* Политическая лингвистика: Возможности конвергенции // Политика и наука на перекрестке современности. К итогам юбилейного Конгресса РАПН // Политическая наука. Ежегодник 2016. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 98–109.
- Anderson B.* Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. Revised edition. – L.; N.Y.: Verso, 2006. – 240 p.
- Bauman R., Briggs Ch.L.* Voices of Modernity. Language ideologies and the politics of inequality. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 356 p.
- Census and identity. The politics of race, ethnicity and language in national censuses / Ed. by D.I. Kertzer, D. Arel. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 310 p.
- Chan Ch.* School-university partnerships in English language teacher education. Tensions, complexities, and the politics of collaboration. – Berlin; Heidelberg; N.Y.: Springer, 2016. – 123 p.
- Craith M.N.* Europe and the politics of language. Citizens, migrants and outsiders. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – 217 p.

- Crowley T.* The politics of discourse: The standard language question in British cultural debates. – Houndmills; L.: Macmillan, 1989. – 302 p.
- Crowley T.* Language in history. Theories and texts. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – 215 p.
- Crowley T.* Standard English and the politics of language. – 2-nd ed. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 292 p.
- Crowley T.* Wars of words. The politics of language in Ireland 1537–2004. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – 253 p.
- Disinventing and reconstituting languages / Ed. by S. Maconi, A. Pennycook. – Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2006. – 249 p.
- Discourses on language and integration. Critical perspectives on language testing regimes in Europe / Ed. by G. Hogan-Brun, C. Mar-Molinero, P. Stevenson. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publishing company, 2009. – 170 p.
- Discursive constructions of identity in European politics / Ed. by R.C.M. Mole. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. – 236 p.
- Gellner E. Nations and nationalism. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 150 p.
- Global linguistic flows. Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H. Samy Alim, A. Ibrahim, A. Pennycook. – N.Y.; L.: Routledge, 2009. – 260 p.
- Hobsbawm E.L.* Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – 206 p.
- Ideologies, politics, and language policies / Ed. by T. Ricento. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publishing company, 2000. – 197 p.
- Indigenous language media, language politics and democracy in Africa / Ed. by A. Salawu, M.B. Chibita. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. – 246 p.
- Joseph J.E.* Language and identity. National, ethnic, religious. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.
- Joseph J.E.* Language and politics. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2006. – 170 p.
- Judt T., Lacorne D.* The Politics of language // Language, nation, and state. Identity politics in a multilingual age / Ed. by T. Judt, D. Lacorne. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – P. 1–16.
- Kamusella T.* The politics of language and nationalism in modern Central Europe. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 1140 p.
- Kaplan R.B., Baldauf Jr.R.* Language planning from practice to theory. – Clevedon; Buffalo; Toronto; Sydney; Johannesburg: Multilingual matters Ltd, 1997. – 404 p.
- Language, culture, and society. Key topics in linguistic anthropology / Ed. by C. Jourdan, K. Tuite. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 310 p.
- Language ideologies and media discourse. Texts, practices, politics / Ed. by S. Johnson, T.M. Milani. – L.; N.Y.: Continuum, 2010. – 296 p.
- Language, nation, and state. Identity politics in a multilingual age / Ed. by T. Judt, D. Lacorne. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 210 p.
- Language planning and policy in Europe / Ed. by R.B. Kaplan, R. Baldauf Jr. – Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2005. – Vol. 1: Hungary, Finland and Sweden. – 332 p.

- Language planning and policy in Europe / Ed. by R. Baldauf Jr., R.B. Kaplan. – Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2006. – Vol. 2: The Czech Republic, the European Union and Northern Ireland. – 314 p.
- Language planning and policy in Europe / Ed. by R.B. Kaplan, R. Baldauf Jr. – Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2008. – Vol. 3: The Baltic States, Ireland and Italy. – 353 p.
- Language planning and policy. Language planning in local contexts / Ed. by A.J. Liddicoat, R. Baldauf Jr. – Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2008. – 287 p.
- Language regimes in transformation. Future prospects for German and Japanese in science, economy, and politics / Ed. by F. Coulmas. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2007. – 216 p.
- Mar-Molinero C.* The politics of language in Spanish-speaking world. From colonization to globalization. – L.; N.Y.: Routledge, 2000. – 237 p.
- Morris M.A.* Language politics of regional integration. Cases from the Americas. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. – 214 p.
- Muntigl P.* Narrative counseling. Social and linguistic processes of change. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publishing company, 2004. – 346 p.
- Myhill J.* Language, religion and national identity in Europe and the Middle East. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publishing company, 2006. – 300 p.
- Routledge handbook of world-system analysis / Ed. by S.J. Babones, C. Chase-Dunn. – L.; N.Y.: Routledge, 2012. – 535 p.
- Schiffman H.F.* Linguistic culture and language policy. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – 351 p.
- Schmidt R.* Language policy and identity politics in the United States. – Philadelphia: Temple univ. press, 2000. – 282 p.
- The politics of English as a world language. New horizons in postcolonial cultural studies. – Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2003. – 497 p.
- Thompson M.* Enough said. What's gone wrong with the language of politics? – N.Y.: St. Martin's Press, 2016. – 197 p.
- Towards global multilingualism: European models and Asian realities / Ed. by R. Khoo, U. Kreher, R. Wong. – Clevedon; Philadelphia; Adelaide: Multilingual Matters Ltd, 1994. – 117 p.
- Wallerstein I.* World systems analysis. An introduction. – Durham; L.: Duke univ. press, 2004. – 109 p.
- Windisch U.* Beyond multiculturalism: Identity, intercultural communication, and political culture – The case of Switzerland // Language, nation, and state. Identity politics in a multilingual age / Ed. by T. Judt, D. Lacorne. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – P. 161–184.